

0-782941

На правах рукописи



Игишева Елена Анатольевна

**Политическое развитие Урала в 1920-е гг.
в отечественной историографии**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и
методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2010

Работа выполнена на кафедре регионоведения России и стран СНГ
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор

Владимир Дмитриевич Камынин

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор

Александр Борисович Безбородов

доктор исторических наук, профессор

Евгений Борисович Заболотный

доктор исторических наук, профессор

Андрей Владимирович Трофимов

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

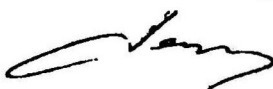
Защита состоится «09» июня 2010 г. в 10.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН по адресу: 620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

Автореферат разослан «30» апреля 2010 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета,
доктор исторических наук



Е.Г. Неклюдов

Актуальность темы исследования. В постсоветский период отечественная историография переживает сложный и противоречивый этап своего развития, который характеризуется масштабным переосмыслением всего наследия, накопленного исторической наукой. Главные дискуссии историков происходят при изучении советского периода истории и его отдельных этапов.

В работе сделана попытка комплексного историографического анализа итогов изучения политического развития Урала в 1920-е гг. Подготовка советского этапа модернизации происходила в рамках новой экономической политики, которая являлась режимом «выживания», но оказалась неспособной обеспечить необходимые условия для развития страны, тем более ускоренного. В 1920-е гг. в острых политических дискуссиях утвердилась стратегия развития, опирающаяся на этатистские нерыночные принципы. Она была ориентирована на форсированный рост за счет мобилизации основных ресурсов, концентрации их в руках органов государственного управления и направлена на решение ключевых задач, выдвинутых в данный период государственной властью.

Формировавшаяся в это время политическая система была призвана обеспечить и усилить регулирующие, контролирующие, репрессивные возможности государства и в течение многих последующих десятилетий демонстрировала свою эффективность. Для успеха в реализации выдвигаемых целей была необходима их добровольная и энергичная поддержка обществом, массовый энтузиазм, формы организации, объединяющие и направляющие широкие слои населения. Инструментами ценностно-психологической мобилизации являлись идеология и, на ее основе, агитация и пропаганда. Инструментами социальной мобилизации были партия, Советы, общественные организации (профсоюзы, комсомол и др.). Политическое развитие страны

вплеталось в общий контекст становления общественного устройства мобилизационного типа.

Важно также отметить, что именно в 1920-е гг. советская история характеризовалась определенным политическим плюрализмом. Он вызывался реальным сосуществованием в обществе различных политических и идеологических сил, носителями которых являлись представители различных социалистических партий, фракций в большевистской партии, «старая» интеллигенция. Только к концу данного десятилетия в стране была ликвидирована политическая оппозиция, и был завершен процесс формирования однопартийного политического режима.

Диссертационное исследование написано на материалах такого крупного и своеобразного региона как Урал, занимавшего особое место в политическом развитии страны в 1920-е гг. Во-первых, Урал являлся одним из оппозиционных центров, был тем регионом (наряду с Ленинградом), где оппозиция оказала наибольшее сопротивление генеральному курсу правящей партии. Об этом, в частности, свидетельствовала «мясниковщина», борьба с которой шла на уровне ЦК РКП (б). К концу 1920-х гг. оппозиционности Урала способствовало то, что он стал местом ссылки оппозиционеров, в основном троцкистов.

Во-вторых, местная политическая элита фрондировала Центру по ряду принципиальных вопросов. Истоки этого можно обнаружить еще в годы Гражданской войны. Речь идет о таком явлении как областничество. Создание в 1923 г. Уральской области привело к известному обособлению Урала от центра страны. Появление областных органов управления, которые получили по административной реформе гораздо больше прав и полномочий по сравнению с губернскими органами, позволило местной политической элите чувствовать себя в 1920-е гг. более самостоятельной в принятии не только экономических, но и политических решений.

Еще одна региональная особенность была связана с многонациональным составом населения Уральской области. Патерналистская политика со-

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

ветского государства по отношению к национальным меньшинствам в 1920-е гг. способствовала появлению особого статуса у коренного населения северных районов Тобольского и Пермского округов, что юридически вылилось в создание в 1925 г. Коми-Пермяцкого, а в 1930 г. – Ямало-Ненецкого и Остяко-Вогульского национальных округов. Политическое развитие Башкирии, Удмуртии также характеризовалось большим своеобразием.

На сегодняшний день создана большая литература, в которой освещены различные стороны политической жизни края в 1920-е гг. Представленные в ней работы составляют обширную источниковую базу для историографического исследования проблемы. Вместе с тем, имеющиеся по теме публикации историографического профиля носят немногочисленный и разрозненный характер и не дают целостного представления о степени изученности проблемы политического развития Урала в указанное десятилетие. Этим обусловлена историографическая актуальность данной диссертационной работы.

Объектом исследования в диссертации является комплекс разнообразной многожанровой отечественной литературы исторического, политологического, правоведческого, социологического характера, в которой освещаются различные стороны политического развития Урала в 1920-е гг. Для анализа отечественной историографии по изучаемой проблеме автор диссертации привлекает зарубежные издания и исторические источники.

Предметом исследования в диссертации выступают концептуальные взгляды, выводы и оценки ученых, изучавших политическое развитие Урала в 1920-е гг. Исследование проблемы рассмотрено в динамике, что позволяет представить процесс накопления знаний по ней.

Хронологические рамки исследования охватывают период от начала 1920-х гг. до настоящего времени. По нашему мнению, процесс изучения проблемы прошел три основных этапа: 1920-е гг., 1930–1980-е гг., 1990-е гг. – первое десятилетие XXI в. Увидевшая свет на данных этапах литература существенно отличается по степени осмысления основных проблем советской истории в целом и нэповского десятилетия, в частности.

Хронологически рамки исследуемой проблемы ограничены 1920-ми гг. В политическом отношении 1920-е гг. находились между периодами авторитарного режима Гражданской войны и установлением личной диктатуры И.В. Сталина. Для политического развития этого десятилетия были свойственны как общие закономерности, характеризовавшие советский политический режим в целом, так и особенности, отличающие его от предыдущего и последующих этапов советской истории.

Территориальные рамки исследования охватывают административные границы РСФСР – СССР – Российской Федерации, в которых издавалась анализируемая литература. В территориальное поле исследования также включена Европа, где находились центры российской эмиграции.

В данной работе историческая проблема рассмотрена на материалах уральского региона, который в 1920-е гг. подвергался неоднократному районированию. В начале 1920-х гг. в него входили Екатеринбургская, Пермская, Челябинская, Уфимская и Тюменская губернии. С ноября 1923 г. по январь 1934 г. в результате проведенного советским руководством эксперимента по административно-территориальному районированию на их основе была создана единая Уральская область.

Методологическая основа диссертации. По нашему мнению, историограф при выборе методологической основы своего исследования должен руководствоваться двумя соображениями. Первое состоит в том, что исследуемая в диссертации литература написана с различных теоретических и методологических позиций, и каждый исследователь имеет право отстаивать свои мировоззренческие взгляды. Поэтому историограф, также имея собственное мнение в отношении изучаемого им исторического периода, должен уважительно относиться к аргументам, которые выдвигают представители различных научных направлений, не отбрасывая и не критикуя их огульно, проявляя терпимость к другим мировоззренческим позициям¹.

¹ Личман Б.В. Толерантная история России. Екатеринбург, 2008. С. 18–19.

Второе обстоятельство заключается в том, что при анализе литературы междисциплинарного характера историограф должен использовать многофакторный подход к выбору принципов и методов исследования.

В данной диссертации при анализе литературы применяются принципы и методы научного анализа, разработанные как в советской, так и в современной историографии. Применение принципа историзма, позволяет, с одной стороны, рассматривать историческую концепцию в развитии и в тех конкретно-исторических условиях, в которых она появилась, с другой стороны, предполагает ее оценку в сравнении с предшествующим состоянием исторической науки. Это позволяет увидеть процесс накопления знаний, выявить преемственность взглядов различных поколений ученых.

По нашему мнению, историограф также обязан учитывать общественно-политическую позицию автора анализируемого исторического произведения, поскольку она оказывает существенное влияние на интерпретацию фактов и содержание выводов.

При анализе историографических источников в диссертации были использованы принципы целостности историографического познания и ценностного подхода. Принцип целостности ориентирует исследователя на необходимость подходить к изучению каждого периода или направления в истории исторической науки как к системе взаимосвязанных элементов исторического знания и причин, детерминирующих их изменения. С помощью принципа ценностного подхода можно определить те стороны авторской концепции, которые не утратили интерес для современного периода развития исторической науки.

В диссертации используются методы исследования, применяемые в исторической науке. Хронологический метод позволяет, выстроив историографические источники в хронологическом порядке, установить приоритеты в постановке проблемы и процесс преемственности в ее исследовании. Проблемно-хронологический метод способствует определению проблематики научных исследований и ее повторяемости или смены в зависимости от оп-

ределенного периода в развитии исторической науки. Метод периодизации указывает на общие черты исторических исследований в тот или иной промежуток времени. Компаративистский (сравнительно-исторический) метод позволяет сопоставить информацию, извлеченную из различных историографических источников, для выявления научных школ и направлений в исторической науке.

При анализе источниковой базы исторических исследований, а также при использовании в диссертации исторических источников при рассмотрении дискуссионных вопросов темы весьма полезными оказались методы историковедческого анализа.

Историография также может опираться на методы исследования, применяемые другими науками. Системно-структурный метод направлен на выявление узловых моментов в изучении данной темы, объяснение историографических фактов на уровне взаимосвязей и взаимозависимостей, что позволяет более полно учесть состояние изученности рассматриваемых проблем на каждом этапе развития науки. С помощью метода дискурсивного анализа возможно установление корреляции между содержанием историографического источника, результатами научного исследования и социокультурным контекстом развития исторических событий и процессов.

Степень изученности темы. Историографическую литературу, в которой освещаются основные проблемы политического развития Урала в 1920-е гг., можно разделить на две части: советскую и постсоветскую, которые во многом различаются по рассматриваемой проблематике и отношению к историографическим источникам.

Становление советской историографии проблемы относится к 1920-м гг., когда на страницах исторической периодики стали публиковаться первые историографические обзоры по интересующей нас теме. В них давалась оценка работ, созданных очевидцами событий.

Систематическая работа в области историографии советского общества стала проводиться в СССР с рубежа 1950–1960-х гг. На советской историо-

графической литературе сказывались общий теоретический уровень исторической науки, необходимость соблюдения принципа партийности, заставлявшего исследователей работать в жестко ограниченных методологических границах.

Увеличение количества историографических публикаций не всегда сопровождалось повышением их научного качества, что вело к снижению научной ценности и конкретно-исторических исследований. Критически оценивая работы предшественников, исследователи в это время достаточно оптимистически характеризовали достижения современной им литературы.

В опубликованных в советское время в Центре историографических трудах по истории советского общества работы уральских историков, отражающих политическую жизнь на территории края в 1920-е гг., не анализировались. Однако, исследования, написанные на общероссийском (общесоюзном) материале, оказали значительное влияние на становление и развитие историографического процесса на Урале, начало которого пришлось на вторую половину 1960-х гг.

В советское время литературу по политическому развитию Урала в 1920-е гг. анализировали М.Н. Бросалина, Н.В. Каркашева, В.М. Куликов, В.С. Мусихин, В.Г. Томшич в работах по историографии деятельности большевистских организаций и внутрипартийной борьбы на Урале²; И.С. Капцугович, А.В. Лосева, Л.Н. Юсупова при изучении отношения большевиков к своим политическим противникам на Урале в начале 1920-х гг.³; В.П. Гришанов, Л.И. Ермолина, В.Г. Томшич, Г.С. Шкребень в работах по

² Томшич В.Г. Очерки историографии Удмуртской партийной организации. Ижевск, 1972; Куликов В.М. Некоторые итоги и задачи изучения классовой и внутрипартийной борьбы на Урале в период построения фундамента социализма // Классовая борьба на Урале (1917–1932 гг.). Свердловск, 1974. С. 120–151; Бросалина М.Н. Историография идейного и организационного укрепления Тюменской партийной организации в восстановительный период // Великий Октябрь и социалистическое строительство на Урале и в Сибири в переходный период. Тюмень, 1987. С. 90–92; Каркашева Н.В. К историографии идейно-политической работы партийных организаций Урала среди трудового крестьянства в 1921–1925 гг. // Там же. С. 92–94; Мусихин В.С. Партийное строительство в 1921–1925 гг. в уральской историографии // Там же. С. 88–90; и др.

³ Капцугович И.С. Историография политической гибели эзеров на Урале // Исследования по истории Урала: Учен. зап. Перм. ун-та. Вып. 5. 1976. № 368. С. 23–52; Юсупова Л.Н. Советские историки о политическом банкротстве и крахе организаций мелкобуржуазных партий в Сибири // Классовая борьба в Сибири в переходный период. Тюмень, 1987. С. 18–27; и др.

историографии деятельности Советов Урала⁴. Н.Н. Новый, А.А. Округин подвели некоторые итоги изучения деятельности правоохранительных органов советской власти⁵; Н.И. Музафарова и М.Г. Нечаев – взаимоотношениям церкви и власти на Урале⁶. В годы «перестройки» были опубликованы историографические работы В.Н. Азарова, Н.И. Морозова, О.Ф. Русаковой⁷.

Советская историографическая литература о политическом развитии Урала в 1920-е гг. носила фрагментарный характер, так как политическая история не выделялась в качестве самостоятельного объекта исследования. Выводы авторов носили политически ангажированный характер, поскольку ими рассматривались только позитивные стороны проблемы.

Второй период в развитии историографических исследований по проблемам политической истории 1920-х гг. приходится на 1990-е гг. – первое десятилетие XXI в. Его спецификой является то, что он развивается в условиях кардинального пересмотра всей советской истории и формирования критического отношения к советской историографии. Это оказало серьезное влияние на деятельность историографов, особенно в первой половине 1990-х гг. По мнению современных авторов, в то время в освещении истории 1920-х гг. был нарушен историографический ритм расширения спектра сюжетов, преобладало негативное отношение к советскому прошлому.

⁴ Ермолина Л.И. Некоторые вопросы историографии Советов в 1917–1925 гг. // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917–1967. Вып. 1. История СССР. Свердловск, 1967. С. 161–166; Шкребень Г.С. Некоторые вопросы историографии Советов Урала в 1921–1925 гг. // Великий Октябрь и социалистическое строительство на Урале и в Сибири в переходный период. С. 100–102; Томшин В.Г. Руководство КПСС совершенствованию советского государственного аппарата: Историографический очерк. Устинов 1987; и др.

⁵ Новый Н.Н. Советская историческая литература о становлении социалистической системы охраны общественного порядка на Урале // Историография гражданской войны на Урале. Челябинск, 1985. С. 103–105; Округин А.А. Историография создания и деятельности органов ВЧК на Среднем и Западном Урале // Там же. С. 56–58; и др.

⁶ Музафарова Н.И. Проблемы атеистического воспитания трудящихся в историографии Урала (1917–1937 гг.) // Некоторые проблемы историографии советского Урала. Свердловск, 1987. С. 24–28; Нечаев М.Г. Борьба за претворение в жизнь ленинского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви на Урале (историография вопроса) // Великий Октябрь и социалистическое строительство на Урале и в Сибири в переходный период. С. 47–48; и др.

⁷ Азаров В.Н. В.И. Ленин и вопросы идеологической работы партии в первые годы нэпа (историографический обзор) // В.И. Ленин и социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1990. С. 72–74; Морозов Н.И. Изучение проблем молодежи России в 20–30-е гг. // Молодежь России: Историко-социологический аспект. Челябинск, 1991. С. 33–38; Русакова О.Ф. Феномен большевизма в интерпретации «веховской интеллигенции» // Интеллигенция в политической истории XX в. Иваново, 1992. С. 32–34; и др.

Знакомство с литературой новейшего времени, написанной на общероссийском материале, свидетельствует о том, что в ней работы уральских ученых по политической истории края в 1920-е гг., как и в советское время, не включены в научный оборот.

Анализ современной исторической литературы по интересующей нас проблеме дается в статьях В.Н. Азарова, С.Л. Бехтерева, В.В. Московкина, посвященных изучению противоборства различных политических сил на Урале в начальный период нэпа⁸; в брошюре В.М. Кружинова по историографии политических конфликтов на Урале в первое десятилетие советской власти⁹; в публикациях Е.Б. Заболотного, В.Д. Камынина, В.М. Кириллова, С.В. Сосновских при освещении процесса изучения политических репрессий на Урале в конце 1920-х гг.¹⁰

Л.А. Коноплева, П.В. Панов обратили внимание на изучение современными исследователями истории Советов Урала¹¹; Е.А. Игишева, В.Д. Камынин, А.И. Семенов – деятельности правоохранительных органов Урала¹²;

⁸ Бехтерев С.Л. Советская историография эсеро-максималистского движения в Удмуртии // История, историография и источниковедение Удмуртии. Ижевск, 1992. С. 105–125; Московкин В.В. Историография противоборства политических сил на Урале в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.) // Рубеж веков: Проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 71–82; Азаров В.Н. Некоторые проблемы освещения политической борьбы 1920-х гг. в современной российской историографии // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. Тюмень: Изд-во Тюмен. Гос. Ун-та, 2000. С. 164–165; и др.

⁹ Кружинов В.М. Политические конфликты на Урале в первое десятилетие советской власти: проблемы теории и историографии. Тюмень, 2005.

¹⁰ Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Тема репрессий 20-х – начала 50-х гг. в уральской исторической литературе // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 41–44; Кириллов В.М. Историография истории репрессий в СССР и на Урале (1918–1990 гг.) // Власть и общество (проблемы всеобщей и отечественной истории). Нижний Тагил, 1996. С. 6–130; Сосновских С.В. Репрессивная политика Советского государства в отношении инженерно-технической интеллигенции на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакуинские чтения. Мат. IX Всеросс. науч. конф. В 2-х т. Екатеринбург, 2009. Т. I. С. 158–163; и др.

¹¹ Панов П.В. Вопросы историографии партийного руководства Советами в годы НЭПа // Проблемы историографии и источниковедения партийных организаций. Пермь, 1992. С. 27–41; Коноплева Л.А. Историография Советов Урала в 20-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1993; Она же. Проблемы демократизации органов самоуправления на Урале в 1920-е гг.: историографический обзор // Экономическая история XX века: проблемы историографии. Екатеринбург, 2008. С. 110–122; и др.

¹² Семенов А.И. Становление и развитие правоохранительных органов Урала. 1917–1921 гг.: историография вопроса // Полиция и милиция России: формирование и развитие (К 200-летию МВД). Челябинск, 2000. С. 36–45; Игишева Е.А., Камынин В.Д. Тайны концлагерей ОГПУ (историки о формировании советской пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг.) // Сибирский исторический журнал 2008/09. Тюмень, 2008. С. 51–66; и др.

С.Е. Алексеев, Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин, Л.А. Коноплева, И.А. Пашкова – политической ситуации в национальных районах Уральской области¹³.

Таким образом, общий анализ историографической литературы по теме показывает, что имеющиеся работы представлены малыми формами (статьями, тезисами), в них рассмотрены далеко не все сюжеты политического развития края в 1920-е гг. Исследователи, как правило, ограничились постановкой проблем и указанием на их недостаточную изученность. Большая часть публикаций посвящена анализу советской исторической литературы, в то время как труды новейшего периода пока еще не стали объектом историографического исследования. Все это не позволяет полностью представить процесс изучения советскими и современными исследователями политических событий, происходивших в уральском регионе в 1920-е гг. Этим также определяется актуальность темы диссертационного исследования.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы дать комплексный анализ процесса накопления знания в отечественной историографии по истории политического развития Урала в 1920-е гг. Это позволит выявить эволюцию взглядов историков, основные факторы, тенденции, определяющие различные подходы в исследовании тех или иных проблем темы в отечественной историографии.

Автор диссертации ставит перед собой следующие основные исследовательские задачи:

- проанализировать теоретические и методологические основы советской и современной исторической науки и методический инструментарий, применяемый при изучении политической истории;

¹³ Пашкова И.А. Отечественная историография национально-государственного строительства на Урале в 1917 – середине 1930-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1993; Алексеев С.Е., Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историография Ямала // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. В 3-х т. Салехард, 2004. Т. 1. С. 347–350; Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Основные итоги изучения экономической и политической истории Ямала в 20 - 30-е гг. XX в. // Западная Сибирь. Проблемы истории, историографии и источниковедения: Мат. окружной науч. конф., посв. 300-летию со дня рожд. Г.Ф. Миллера. Нижневартовск, 2005. С. 69–76; и др.

- выделить основные концепции, с позиции которых различные поколения исследователей изучали политическое развитие страны;
- определить факторы, которые оказывали воздействие на изучение проблемы на различных этапах развития исторической науки;
- дать анализ взглядов советских и современных авторов на политическое развитие Урала в 1920-е гг. и установить вклад в изучение рассматриваемой темы исследователей различных поколений;
- проанализировать вклад историков в изучение политического развития национальных образований Уральской области;
- изучить становление проблематики исследований и ее эволюцию на различных этапах развития исторической науки в нашей стране;
- рассмотреть оценки политических событий, происходивших в советской стране в 1920-е гг., которые содержались в эмигрантской литературе;
- подвести итоги изучения исследователями основных проблем политического развития Уральского региона в 1920-е гг. и наметить дальнейшие пути изучения темы.

Научная новизна диссертации заключается в том, что автором впервые в отечественной науке на основе широкого круга историографических источников исследуется крупная, как по ее постановке, так и по хронологическим рамкам, научная проблема. В ней дается целостное представление о степени изученности политического развития Урала в 1920-е гг. Полученные результаты позволяют достаточно полно реконструировать картину изучения политических процессов в 1920-е гг., механизма постепенного формирования авторитарной, а затем и тоталитарной системы в стране на примере такого масштабного региона как Урал.

Автор диссертации попыталась показать преемственность, существующую в отечественной историографии XX – начала XXI столетий в изучении политического развития советского общества.

Научная новизна работы предопределяется тем, что в ней дается анализ трудов по целому ряду проблем, актуальность изучения которых проявилась

только в последнее время, когда политическая история стала приоритетным объектом исследования. Это относится к репрессивной политике советского государства в 1920-е гг. на Урале в отношении различных категорий инакомыслящих, к развитию пенитенциарной системы и т.п. Впервые в диссертации подводятся итоги изучения различных сторон политической истории в национальных образованиях Уральской области в рассматриваемый период.

Основным историографическим источником для исследования политического развития страны в 1920-е гг. послужили многочисленные разноплановые работы отечественных историков. Замысел диссертации потребовал обращения к трудам эмигрантских авторов, а также зарубежной литературе, оказавших существенное влияние на публикации российских историков в постсоветский период. Привлечение впервые в значительном объеме эмигрантской и зарубежной литературы по проблеме способствовало выявлению единого познавательного процесса по теме исследования.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что выводы и наблюдения за развитием процесса накопления знаний по изучаемой конкретной проблеме, могут объяснить многие дискуссионные вопросы развития историографического процесса в нашей стране в XX – начале XXI вв. Это касается, прежде всего, рассмотрения таких вопросов как прерывность или непрерывность историографии отечественной истории в указанный период, уровень развития отечественной историографии на фоне мирового историографического процесса и т.д. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по отечественной историографии, написании монографий.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование обсуждалось на кафедре регионоведения России и стран СНГ Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Основные положения и выводы диссертации были вынесены на рассмотрение участников 15 международных, всероссийских и региональных научных конференций, получили

отражение в 4 монографиях, 3 учебниках и учебных пособиях, 30 статьях (53, 6 п. л.).

Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, характеризуются методологическая основа, степень изученности, формулируются цели, задачи, научная новизна и практическая значимость диссертации.

Глава первая «Теоретические и источниковые проблемы изучения темы» включает в себя два параграфа.

В первом параграфе «Эволюция теоретического осмысления политического развития страны и Урала в 1920-е гг.» отмечается, что изучение темы велось неравномерно на разных этапах историографического процесса в XX–начале XXI в. Серьезное влияние на исследователей оказывали конкретно-исторические условия и идеологические установки, господствовавшие в стране в то или иное время. Исходя из этого, мы выделяем три основных этапа изучения темы: 1920-е, 1930–1980-е, 1990-е – первое десятилетие XXI в.

В 1920-е гг. в концептуальном осмыслении политических процессов, происходивших в стране в это время, сложились две основные парадигмы. Главная из них, оказавшая наибольшее влияние на советских историков, была сформулирована В.И. Лениным и другими руководителями большевистской партии. Эта парадигма базировалась на признании приоритета классовой борьбы и ее обострения в процессе социалистического строительства, руководящей роли коммунистической партии в политической системе советского общества. Следует отметить, что в течение нэповского десятилетия взгляды лидеров большевиков на советскую политическую систему эволюционировали под влиянием изменения политических реалий. Многие ру-

ководители советского государства, находившиеся в оппозиции к «генеральной» линии партии, высказывали критические соображения по некоторым вопросам политического развития страны.

Еще один взгляд на советскую политическую систему в 1920-е гг. был предложен представителями умеренно-социалистических партий, критиковавшими практику политического режима, который был установлен большевиками сразу после прихода к власти и удерживался после окончания Гражданской войны. Они выступали против тех теоретических постулатов, которые использовали лидеры большевиков, для того чтобы удержаться у власти и устранить своих политических оппонентов. Это относилось, прежде всего, к тезису о классовой борьбе.

Оказавшись в эмиграции, часть из них испытала сильное влияние «сменовеховской» идеологии и выражала надежду, что большевики в связи с введением нэпа пойдут на сотрудничество с представителями других социалистических партий в Советах, что неизбежно приведет к перерождению однопартийной диктатуры в России. Некоторые авторы рассматривали Советы в качестве альтернативы диктатуре большевистской партии. В то же время эмигранты не были едины в оценке возможности эволюции большевизма, причин и характера внутривластной борьбы и др. вопросов политического развития советской страны.

В теоретическом осмыслении политического развития страны советская историческая наука в 1930–1980-е гг. прошла три этапа. В 1930-е – середине 1950-х гг. на взгляды историков особенно серьезное влияние оказала концепция «Краткого курса истории ВКП (б)». Политические события 1920-х гг. интерпретировались исключительно как противостояние руководства партии и его многочисленных оппонентов.

Во второй половине 1950-х–1980-е гг. несмотря на известную десталинизацию системы, необходимость следованию марксистско-ленинской методологии вынуждала советских обществоведов односторонне подбирать факты под заранее сформулированную концепцию советской истории и в ее рус-

ле оценивать различные перипетии политической борьбы. Историки признавали, что в годы нэпа существовало определенное противоречие между многоукладной смешанной экономикой и политической системой. Они положительно оценили проведение большевиками некоторых реформ в политической сфере: упразднение ВЧК и замена ее на ГПУ при НКВД; осуществление реформы суда в 1922 г., на основе которой были ликвидированы ревтрибуналы и возрождены адвокатура и прокуратура, повышена роль Наркомата юстиции, приняты первые советские кодексы; некоторая децентрализация управления, выразившаяся в повышении роли местных Советов, «оживлении» их деятельности.

Советские историки полагали, что сутью борьбы в высших эшелонах партийно-государственного руководства был вопрос о продолжении нэпа, а ее формой была борьба за лидерство в партии. Они оправдывали тех, кто защищал «генеральную линию» партии и решительно осуждали оппозиционеров. Подлинная сущность дискуссий 1920-х гг. не раскрывалась и руководители фракций в партии постепенно превращались в «фигуры умолчания». В связи с этим советские историки меньше занимались изучением политической истории второй половины 1920-х гг.

В годы «перестройки» 1920-е гг. впервые за долгий период стали рассматриваться как целостный период советской истории, возник интерес к изучению опыта политического плюрализма, к альтернативам развития страны. Доминировало мнение о том, что новая экономическая политика и порожденная ею политическая система являлись наиболее безболезненным методом построения в СССР социализма с «человеческим лицом».

Значительные изменения в концептуальном осмыслении политического развития в 1920-е гг. произошли на современном этапе развития исторической науки. Основные концепции выглядят следующим образом.

Часть исследователей продолжает рассматривать политическое развитие 1920-х г. с позиций обновленного формационного подхода и полагает,

что политическая система, созданная в стране в 1920-е гг., не имела реальных альтернатив.

Сторонники либеральной парадигмы, оценивая советский опыт негативно, акцентируют внимание на борьбе с инакомыслием в партии и обществе, складывании однопартийной системы, политических репрессиях, формировании культа личности И.В. Сталина. Они не видят принципиальной разницы между процессами, происходившими в стране в 1920-е гг., и последующим периодом сталинского тоталитаризма.

Приверженцы модернизационного подхода к истории полагают, что в 1920-е гг. часть лидеров большевистской партии настаивала на необходимости продолжения модернизационных процессов, которые начались в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. и были прерваны войнами и революциями. Они доказывают, что именно в нэповское десятилетие закладывались основы для очередного цикла политической и социально-экономической модернизации советского типа.

Второй параграф «Характеристика источниковой базы исследования». Основной корпус историографических источников в данной диссертации составляют опубликованные труды советских и современных авторов, в которых рассматриваются различные стороны политического развития Урала в 1920-е гг. В качестве историографических источников выступают труды исследователей, созданные в разных жанрах: монографии, статьи, рецензии, выступления с докладами на научных конференциях, «круглых столах», дискуссиях, диссертационные работы и т.д. Каждый из выделенных нами этапов в исследовании проблемы отличается особенностями складывания корпуса историографических источников, организации научных исследований, кадровым потенциалом, теоретико-методологическими основами исследований, исторической проблематикой, источниковой базой, методическим инструментарием и т.д.

Отличительной особенностью первого этапа являлась относительная свобода выражения авторами идей, оценок, наиболее ярко проявившаяся в

различных дискуссиях. В 1920-е гг. начала формироваться источниковая база исследования темы политического развития, была намечена ее проблематика. Основными жанрами историографических источников 1920-х гг. следует признать статьи, публиковавшиеся в общественно-политических журналах, и небольшие по объему брошюры, издававшиеся, как правило, к юбилейным датам. Наибольший интерес для изучения темы представляют статьи, опубликованные в краевых журналах «Уральский коммунист», «Рабочий журнал», «Округ», а также на страницах испартовских сборников. Их авторами выступали практические работники, руководившие деятельностью партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. В связи с 10-летием Советской власти в исследование политических процессов, происходивших на Урале в годы нэпа, начинают включаться историки-марксисты, выпускники московских и уральских комвузов.

В 1930–1980-е гг. изучение политического развития Урала в нэповское десятилетие происходило неоднозначно. В 1930-е–первой половине 1950-х гг. ослабевает внимание к источникам, нарастает единомыслие, усиливается методологический догматизм. В целом интерес к изучению данной проблемы резко снизился. С другой стороны, основными авторами издаваемой литературы становятся квалифицированные историки – выпускники университетов и пединститутов. Они освещали отдельные стороны политического развития Урала на страницах небольших по объему брошюр, приуроченных к юбилейным датам в истории страны, партийных и общественных организаций.

На активизацию изучения темы, как на общесоюзном, так и уральском материале определенное воздействие оказал процесс десталинизации, начавшийся во второй половине 1950-х гг. Расширилась проблематика работ, их источниковая база, совершенствовалась методика исторического исследования. Стали более разнообразными жанры историографических источников. Основная масса фактического материала по политической истории Урала в 1920-е гг. была изложена на страницах обобщающих изданий по истории Урала, областных партийных, профсоюзных и комсомольских организаций.

Наиболее популярным жанром историографических источников становятся статьи, публиковавшиеся в сборниках научных трудов вузов и научных учреждений края. В различных городах Урала стали проводиться научные конференции, в материалах которых публиковались небольшие по объему тезисы выступлений. После XX съезда КПСС стали издаваться монографические исследования по отдельным проблемам общественно-политической жизни края, однако период нэпа в монографическом плане редко становился объектом специального исследования. Весьма представительным был жанр диссертационных исследований, особенно посвященных деятельности партийных организаций края по руководству различными сферами жизни общества.

Публикации советского периода отличались в значительной степени описательностью и фрагментарностью в освещении событий. Многие важные документы для изучения темы оказались закрыты в спецхранах и оставались там долгие годы, что не позволяло исследователям дать объективную оценку политического развития Урала в 1920-е гг. и особенно деятельности инакомыслящих и репрессий государства по отношению к ним.

Отличительной чертой историографии 1990-х – начала XXI в. является рассмотрение этой проблемы с позиций различных методологических подходов. На основе новых источников началось переосмысление как общих, так и частных, поставленных еще в советской историографии вопросов, политической истории 1920-х гг. Кроме того, были определены новые исследовательские проблемы, которые не могли рассматриваться в советский период в силу идеологических и политических причин.

Претерпели существенное изменение жанры историографических источников. Среди общероссийских изданий повысилась роль монографических исследований. Уральские авторы пока опубликовали немного монографий, специально посвященных характеристике политических процессов, происходивших в регионе в 1920-е гг. В то же время повысилось значение таких жанров историографических источников как обобщающие труды по истории Урала и его отдельных регионов, работы энциклопедического харак-

тера. По-прежнему, доминируют статьи на страницах сборников вузов и научных учреждений Урала, а так же тезисы выступлений на многочисленных научных конференциях.

При анализе историографических источников автор диссертации использовал широкий круг опубликованных и архивных источников по различным вопросам политического развития Урала в 1920-е гг., периодическую печать, источники личного происхождения, которые помогли автору диссертации подтвердить свою позицию по спорным вопросам, заполнить некоторые пробелы в работах историков.

Глава вторая «Изучение в литературе роли партий в политическом развитии Урала в 1920-е гг.» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Освещение истории большевистских организаций Урала в 1920-е гг. в отечественных публикациях» анализируется степень изученности истории партийных организаций края. Эта проблема относится к одной из наиболее разработанных проблем в советской историографии.

Уже в 1920-е гг. уральским исследователям удалось наметить проблематику историко-партийных исследований и сделать первые шаги по ее реализации. В работах Б. Васильева, Д. Гуревича, В. Иванова, В. Тодорского, П. Уральского, А. Шпагина и др. рассматривались вопросы количественного и качественного состава партийных организаций края. Авторы уделяли особое внимание мерам по регулированию социального состава партии, избавления ее от нежелательных элементов. В те годы не удалось создать общей картины регулирования состава партии на протяжении всех 1920-х гг., поскольку в распоряжении авторов отсутствовали источники сводного характера.

Исследователи анализировали ход общественно-политических кампаний, в результате проведения которых партийные организации регулировали свой состав. В литературе 1920-х гг. была дана оценка проведенных в 1927 г. Всесоюзной переписи коммунистов и призыва в партию в связи с 10-летием Октябрьской революции. В последующей советской историографии эти вопросы на уральском материале практически не анализировались.

В советской историографии 1930–1980-х гг. доминировали труды историко-партийного характера. Создание обобщающих трудов по истории всех местных партийных организаций позволило уральским историкам с марксистско-ленинских позиций исследовать практически все основные вопросы функционирования и деятельности местных партийных организаций.

В.П. Анистратенко, В.П. Гуров, В.М. Куликов, А.А. Петерюхин, В.А. Плотицкий, Ф.П. Поляков, Л.П. Сашенкова, В.В. Фельдман, В.А. Швечикова, В.И. Эндебера и др. продолжили изучение проблемы регулирования количественного и качественного состава местных партийных организаций. В их работах были проанализированы практически все «чистки» партийных рядов, которые проводились в период с 1921 по 1929 гг. В советской историографии их основной причиной называлось наличие в партийных рядах сторонников оппозиции. По признанию исследователей, масштабы исключения из партийных организаций Урала были столь велики, что в 1920-е гг. потребовалось проведение целого ряда кампаний для пополнения их рядов.

Проведение на Урале «Ленинского призыва» в партию освещалось в работах В.А. Плотицкиной, И.П. Драпа, Ф.С. Коротаева, К. Мкртчяна, Н.А. Тараторкина и др. Именно в литературе этого времени удалось подвести итоги данной кампании в масштабах всей Уральской области. По сравнению с «Ленинским призывом» другие массовые кампании по вовлечению в партию рабочих и крестьян «от сохи» на Урале в советской литературе анализировались достаточно бегло.

Советские историки отмечали, что, учитывая огромный приток новых кадров в большевистские организации в годы нэпа, остро вставал вопрос об их политическом образовании. В работах М.К. Бросалиной, М.А. Гейт, Г.В. Губачева, Н.Ф. Плотицкова, В.А. Швечиковой и др. освещались формы идейно-политической обработки новых коммунистов в духе выработки у них правильного понимания «генеральной линии партии»

Таким образом, в советской историографии была создана официальная история большевистских организаций Урала, как руководящей и направ-

ляющей силы советского общества, которая стала основой для ее критики в современной историографии.

В годы «перестройки» историей большевистских организаций Урала занимались В.Я. Баев, А.В. Бакунин, И.И. Григорьева, Н.Г. Конева, О.А. Мазур, Р.Т. Москвина, Н.С. Никифорова, А.В. Свалов, С.Н. Стругов, В.А. Юкляевских и др. Новые подходы прозвучали в оценке «Ленинского призыва». О.А. Мазур, А.В. Свалов, В.А. Юкляевских сделали вывод о том, что резкое увеличение численности членов партии способствовало быстрой тоталитаризации РКП (б). А.В. Бакунин, Р.Т. Москвина от изучения «белых пятен» в истории РКП (б) - ВКП (б) и поиска новых подходов к ее изучению начали переходить к критике большевизма как политического течения.

В современной историографии А.В. Бакунин, С.В. Воробьев, В.М. Кружинов, О.А. Мазур, Р.Т. Москвина, И.А. Пашкова, Г.И. Степанова, М.А. Фельдман и др. анализируют историю большевистских организаций края с позиции различных теоретико-методологических подходов.

По сравнению с советским периодом принципиально обновилась проблематика научных исследований. Историки в настоящее время изучают трансформацию большевизма в партию тоталитарного типа, социальный облик коммунистов в 1920-е гг. на Урале, уровень их политической активности и т.д. Неравномерно изучены различные этапы развития РКП (б) – ВКП (б) на Урале в 1920-е гг. Наиболее изученными являются начало 1920-х гг. и рубеж 1920–1930-х гг.

Достаточно дифференцированно историки подходят к оценке общественно-политических кампаний, благодаря которым руководство партии регулировало социальный состав партийных организаций.

Изучение хода «Ленинского призыва» в партию привело историков к выводу, что рассмотрение этого вопроса позволяет лучше понять механизм формирования тоталитарного общества. В.М. Кружинов полагает, что именно на новых членах партии «Ленинского призыва», плохо разбиравшихся в

перипетиях внутрипартийной борьбы, испытывались методы идеологической пропаганды сталинского руководства.

Масштабы и последствия массового приема рабочих в ряды ВКП (б) в конце 1920-х гг. описаны в работах А.В. Бакунина, Р.Т. Москвиной, М.А. Фельдмана и др. Историки полагают, что именно в это время завершилось превращение большевистской партии в партию тоталитарного типа.

Значительных успехов удалось добиться С.В. Воробьеву в изучении социального портрета коммунистов Урала в 1920-е гг. Однако это сделано на примере начала 1920-х гг. на основе изучения ранее недоступных исследователям источников – первичных документов к Всероссийским и Всесоюзным переписям коммунистов. В то же время в уральской историографии практически отсутствуют труды по социальному портрету коммунистов Урала на протяжении всех 1920-х гг.

Изучением проблемы формирования политической элиты занимаются уральские историки С.В. Воробьев, В.М. Кружинов, С.Л. Логинов, П.В. Панов и др. Они выступают против мнения о том, что номенклатура, как новый социальный институт советского общества, был официально оформлен в середине 1920-х гг., полагая, что он начал активно складываться уже в первой половине этого десятилетия. В это время все большее число руководящих должностей Урала стали занимать члены правящей партии, в основном представители ленинской группировки.

Параграф второй «Проблемы внутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-е гг. в отечественной историографии». В 1920-е гг. на Урале были опубликованы работы А. Ангарова, С. Бессонова, Н. Бобровникова, Б. Васильева, С. Канатчикова, З. Красильщика, М. Миронова, И. Сольца, Шипова и др., показывающие особенности региональной оппозиции. Партийные публицисты полагали, что в соответствии с марксистско-ленинской теорией внутрипартийная борьба являлась естественной и необходимой составляющей партийной жизни.

Главное внимание авторы уделяли критике практической деятельности местных оппозиционеров. На характер уральской литературы по проблеме внутрипартийных конфликтов сильное влияние оказывало то, что в 1920-е гг. многие уральские партийные органы открыто симпатизировали сторонникам оппозиции. Б. Васильев, М. Мудрик, Г. Писманник пытались выяснить причины и социальные корни оппозиционных группировок в крае. Часть авторов указывала на наличие в партии различных слоев уральских рабочих, на которые опиралась в своей деятельности оппозиция, другие акцентировали внимание на мелкобуржуазных слоях, попавших в партийные ряды. Исследователи полагали, что наиболее эффективным методом искоренения оппозиционных настроений в партии были регулярные «чистки» ее рядов и массовый прием в партию новых членов.

После выхода «Краткого курса истории ВКП (б)» исследование проблемы на некоторое время было сведено к минимуму. Возобновившееся после XX съезда КПСС изучение внутрипартийных конфликтов продолжалось в рамках концепции «Краткого курса». Публикации уральских исследователей отличались предвзятым отношением к программам, деятельности оппозиционеров, зачастую изобиловали крайними оценками, вплоть до обвинения участников оппозиции в контрреволюции и антисоветизме.

В.П. Иванов, Я.Л. Ниленбург, Ф.П. Полякова, В.В. Фельдман изучали историю «мясниковщины» – своеобразной разновидности «рабочей оппозиции» на Урале; Б.В. Григорьев, Ф.С. Коротаев, В.М. Куликов, Я.Л. Ниленбург исследовали влияние троцкистов и представителей «новой оппозиции» на коммунистов Урала в 1920-е гг. Многие вопросы, связанные с оценкой троцкизма и его популярности на Урале, вызывали дискуссии, которые, впрочем, носили схоластический характер, мало внося в научное понимание этого явления.

Л.С. Воецкая, М.А. Гейт, Ф.С. Коротаев, В.М. Кружинов, В.М. Куликов, Д.Д. Маковкин, Н.Ф. Плотников, В.А. Пономарев, П.Н. Тарасенков и др. осуждали борьбу партийных организаций против объединенной троцкистско-

зиновьевской оппозиции, которая имела определенное распространение среди населения Урала. В этих работах была предпринята попытка проанализировать количество и социальный состав коммунистов, которые поддерживали оппозицию. Большинство авторов, вопреки фактам, доказывало, что на Урале сторонников правой оппозиции практически не было.

В целом советские историки делали вывод о том, что партийные массы единодушно поддерживали «ленинское ядро» ЦК РКП (б) – ВКП (б) в борьбе с «оппортунистами», защитили ленинское теоретическое наследие от «троцкистских» и иных фальсификаций.

В годы «перестройки» с традиционной характеристикой оппозиционных групп в большевистской партии как «мелкобуржуазных» выступили В.М. Куликов и А.Б. Суслов. В.М. Кружинов выразил несогласие с этим мнением и отметил, что водораздел между представителями оппозиции и сторонниками официального большинства определялся не их социально-классовым происхождением и положением, а разным пониманием целей и задач большевистской революции, долга перед партией; материальным и бытовым положением; близостью к реальным рычагам власти; личными симпатиями к тому или иному политическому лидеру и т.п.

В современной историографии большинство историков рассматривает внутрипартийные конфликты 1920-х гг. как одно из проявлений сопротивления складывавшемуся в СССР сталинскому режиму. Так, Е.Г. Гимпельсон, Б.Н. Земцов, В.М. Кружинов, Г.Л. Олех, С.А. Павлюченков, А.Б. Суслов, В.А. Шишкин отошли от тезиса советской историографии, характеризовавшей «рабочую оппозицию» и «мясниковщину», как узкую группу оппозиционеров, не пользовавшейся поддержкой в широких массах рабочего класса. Они считают, что данная разновидность оппозиции в РКП (б) была порождена широким движением внутри рабочего класса против обособления партийных организаций от рабочих масс, их бюрократической деятельности и т.д.

В.Н. Азаров, С.И. Быкова, В.М. Кружинов, О.А. Мазур, Е.В. Рожков, С.Н. Стругов, А.Б. Суслов, В.А. Юкляевских и др. в отличие от своих предшественников, пишут о сильных позициях сторонников Л.Д. Троцкого в партийных организациях Урала. Наивысшими точками распространения троцкизма на Урале историки считают внутрипартийную дискуссию 1923–1924 гг. и деятельность объединенной оппозиции в 1926–1927 гг. Анализ работ уральских исследователей показывает, что их авторы достаточно подробно разобрались в сути аргументов, которые выдвигала оппозиция.

История борьбы против «объединенной оппозиции» получила освещение в работах В.Н. Азарова, В.М. Кружинова, В.М. Куликова, Л.В. Муртузалиевой и др. Историки отмечают факт очень быстрого распространения взглядов «объединенной оппозиции» в регионе. В связи с разочарованием большинства исследователей в возможностях «бухаринской альтернативы» сталинизму, этап борьбы с правой оппозицией на Урале в современной историографии освещен достаточно бегло.

Исследователи стали более реалистично оценивать влияние оппозиционных групп среди населения края. Очевидно, что симпатии большинства современных авторов находятся на стороне противников сталинского режима.

Третий параграф «Межпартийные отношения на Урале в начале 1920-х гг. в оценках историков». В литературе, изданной на Урале в 1920-е гг., тема межпартийных отношений получила не очень большое отражение. О деятельности эсеров Урала писали исследователи, изучавшие историю крестьянских восстаний на Урале в период перехода от политики «военного коммунизма» к нэпу.

В 1930–1980-е гг. в сравнении с исследованиями по истории большевистских организаций Урала и внутрипартийных конфликтов, изучение межпартийных отношений являлось менее разработанным. Практически не изучались реальные идейные установки и программы небольшевистских партий, замалчивались сюжеты о репрессиях против их представителей в начале 1920-х гг. Лишь И.С. Капцугович подготовил специальную монографию, в

которой история партии социалистов-революционеров рассматривалась на широком историческом фоне и солидной источниковой базе. Ряд уральских авторов исследовали деятельность местных эсеров по подготовке и руководству антибольшевистскими крестьянскими восстаниями в период перехода к новой экономической политике.

В годы «перестройки» в работах С.Л. Бехтерева, В.М. Куликова и А.Б. Суслова была изложена традиционная версия «краха» мелкобуржуазной оппозиции большевикам на Урале. Смысл ее заключался в том, что партии меньшевиков и эсеров самоликвидировались.

В последние годы усилия уральских исследователей привели к тому, что более или менее подлинная история политических оппонентов большевиков на территории края в 1920-е гг. была восстановлена. В уральской литературе активно обсуждается вопрос о том, какую роль сыграли политические оппоненты большевиков в организации крестьянских выступлений против политики «военного коммунизма». М.Г. Белоногов традиционно признает, что крестьянское неповиновение в 1920–1921 гг. вдохновлялось эсерами. И.В. Скипина полагает, что неповиновение крестьян не было запланированной акцией контрреволюции, эсеров, кулаков, но нельзя и отрицать того, что эсеры сыграли определенную организующую роль в восстании. В.В. Московкин, В.П. Петрова, А.Б. Суслов опровергают утверждения советских историков о том, что главной причиной антибольшевистского выступления в Зауралье была подрывная деятельность эсеров, и видят ее в ошибочных действиях местных властей в области экономики и политике.

В современной историографии отсутствует единая точка зрения на причины ухода социалистических партий с политической арены. С.Л. Бехтерев, А.Б. Суслов считают, что это стало результатом политических репрессий со стороны большевиков. А.А. Кононенко полагает, что вытеснение эсеров с российской политической арены стало следствием не только репрессивных действий большевистских властей, но и глубоких идейно-политических разногласий внутри самой эсеровской партии.

В современной историографии подчеркивается особое значение ликвидации умеренно-социалистических партий для формирования однопартийной политической системы советского государства в 1920-е гг.

Глава третья «Деятельность Советов и общественных организаций на Урале в 1920-е гг.: опыт изучения» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Исследование деятельности Советов на Урале в 1920-е гг. в историографических источниках». В 1920-е гг. Б. Васильев, Г. Елизаров, А. Орлов, Б. Оршанский, А. Ослоновский, В. Попов, Д. Сулимов, Я. Шипов и др. начали изучать деятельность местных Советов по организации политического и социально-экономического развития Урала. В первой половине этого десятилетия главное внимание обращалось на то, что после окончания Гражданской войны прошла реформа по разделению функций партийных и советских органов, следствием которой была демократизация Советов. Во второй половине 1920-х гг. основное внимание заострилось на необходимости усиления партийного руководства ими.

Авторы 1920-х гг., проанализировав основные избирательные кампании в Советы в это десятилетие, обратили внимание на абсентизм населения. Основную причину неудачи выборов в Советы в первой половине 1920-х гг. исследователи видели в неудовлетворенности населения работой местных органов власти. При анализе избирательных кампаний второй половины 1920-х гг. уральские авторы стали уходить от объяснения причин абсентизма населения. По нашему мнению, это было связано с тем, что с середины 1920-х гг. власти намеренно лишали отдельные категории населения права выборов в Советы.

На рубеже 1920–1930-х гг. в связи с созданием в Уральской области национально-государственных образований возник интерес к исследованию специфики местных органов власти в национальных районах Урала. Н.И. Леонов, А. Скачко, И. Соболев и др. указали на использование родовых и общинных структур, обладавших высоким авторитетом у коренного населения

малых народов Крайнего Севера Уральской области, для создания органов советской власти.

В 1930–1980-е гг. советское строительство рассматривалось как единственно возможный путь развития политической системы страны. О Советах Урала, их функциях, структуре, партийном составе и деятельности в 1920-е гг. писали В.П. Гришанов, В.П. Гуров, У.А. Долганов, В.М. Куликов, А.Е. Недобоева, И.М. Новоселов, В.В. Ножкин, А.А. Петерюхин, И.Е. Плотников, М.И. Темкин, Г.С. Шкробень и др. Большинство работ по истории уральских Советов было посвящено изучению различных аспектов их деятельности, прежде всего в экономической сфере, поскольку политическое руководство признавалось только за партийными органами.

Историки анализировали различные формы партийного руководства Советами Урала в 1920-е гг. В отличие от своих предшественников, они доказывали, что размежевание функций партийных и советских органов, решение о которых было принято на XI съезде партии, не подразумевало снижения контроля партии над государственными органами. Наоборот, они доказывали необходимость усиления этого контроля.

В.П. Гуров, В.М. Куликов, В.В. Ножкин, В.А. Плотичкин, И.Е. Плотников, Н.П. Рязанцев, А.М. Селиванов, П.Н. Тарасенков, Г.С. Шкробень продолжили начатое еще авторами 1920-х гг. исследование избирательных кампаний в Советы Урала в годы нэпа, охарактеризовали трудности в их организации и оценили результаты. Анализируя причины абсентизма населения, А.М. Селиванов, писал о влиянии «чуждо-классовых элементов» на выборные кампании и отсутствии у населения избирательных традиций. По мнению В.П. Гурова и И.М. Новоселова, причины абсентизма были заложены в механизме политического управления страной.

М.Е. Бударин, В.В. Веселкина, В.А. Зибарев доказывали, что процесс советизации национальных районов Урала был аналогичен другим регионам России. М.А. Лаврентьева, В.Ф. Ретунский отмечали, что этот процесс характеризовался определенной спецификой, поскольку коренные народы бы-

ли не в состоянии создать национальную государственность, формы управления, свойственные развитым районам страны.

В годы «перестройки» уральские историки О.М. Баранова, В.П. Гришанов, В.М. Куликов, И.Ф. Плотников, И.Л. Шеврин и др. полагали, что в 1920-е гг. проходил процесс демократизации политической системы в советской стране за счет повышения в ней роли Советов.

На современном этапе история Советов Урала рассматривается в работах О.Ю. Винниченко, И.В. Ильиных, Л.А. Коноплевой, С.Л. Логинова, П.В. Панова, Н.П. Рязанцева и др. Происходит переосмысление их места в советском обществе в 1920-е гг., сделана попытка отойти от изучения частных историй создания и деятельности местных Советов и выяснить, насколько выбранная большевиками форма государственной власти – Советы – соответствовала социально-экономическому состоянию страны и политической культуре населения Урала в 1920-е гг.

На сегодняшний день существуют различные мнения о месте Советов в политической системе страны в 1920-е гг. Л.А. Коноплева традиционно высоко оценивает роль Советов как политического института в период нэпа. С.И. Быкова полагает, что признания факта несовершенства советской формы демократии достаточно, чтобы вообще вычеркнуть Советы из истории.

В современной историографии проблемы на первый план выходят те вопросы советского строительства, которые слабо разрабатывались в советской литературе. К ним можно отнести вопрос о соотношении в 1920-е гг. полномочий Центра и регионов в решении не только экономических, но и политических вопросов. Либеральные историки указывают на то, что местным Советам на протяжении всех 1920-х гг. приходилось выполнять функцию «приводного ремня» Центра. Приверженцы традиционной точки зрения полагают, что роль местных Советов в годы нэпа была настолько велика, что они даже оказывали влияние на политику Центра, которому неоднократно приходилось решать вопрос о том, что делать с «непокорными» местными Советами.

Практически никто из современных историков не считает, что в 1920-е гг. в стране был реализован принцип разделения властей. Тем не менее, ряд авторов разделяет мнение предшественников и полагает, что такая попытка в начале 1920-х гг. предпринималась. Большинство современных авторов полагает, что никакой реальной передачи властных полномочий в руки Советов после окончания Гражданской войны не произошло. М.Н. Денисевич и В.Т. Прохоров считают, что при оценке роли Советов в общественно-политической жизни страны в 1920-е гг. следует исходить, прежде всего, из того, что фактически местная власть была сосредоточена в партийных комитетах.

При анализе причин абсентизма либеральные исследователи полагают, что основной причиной низкой явки избирателей была утрата доверия населения к органам советской власти, которые ассоциировались в сознании избирателей с диктатурой большевистской партии. Историки, стоящие на традиционных позициях, поддерживают мнение исследователей 1920-х гг. по этому вопросу и считают, что причины абсентизма надо искать в структуре Советов, в реализации ими декларируемых демократических задач.

В современной литературе высказываются различные точки зрения на особенности процесса советизации национальных районов, входивших в состав Уральской области в 1920-е гг. Н.Н. Попов, С.В. Горшков пытаются обвинить Советы в колониальных методах ограбления, угнетения и подавления аборигенов. Л.В. Алексеева, Ю.П. Прибыльский и др. положительно оценивают результаты советского строительства в первой половине 1920-х гг., но пишут о наступлении, которые развернули органы советской власти к концу 1920-х гг. на органы местного традиционного самоуправления.

Одной из важнейших проблем, которая интересует современных исследователей истории Советов на Урале в 1920-е гг., является проблема отношений местной власти и населения. Либеральные исследователи, говоря о бюрократизации местного аппарата управления, считают, что Советы также как и местные большевистские организации в 1920-е гг. были оторваны от масс.

А.А. Кулаков, напротив, считает, что городское и сельское население в целом доверяло местной власти, поскольку в ней были свои люди – вчерашние соседи по селу или заводскому цеху, их выбирали, на них надеялись, поскольку считали, что они, хорошо зная местные вопросы, будут их успешно решать. Местная власть находилась под постоянным контролем и давлением низов.

Современные исследователи впервые попытались оценить реальную эффективность деятельности Советов на Урале в 1920-е гг., привлекая для этого различные документы о деятельности низовых Советов.

Во втором параграфе «Деятельность общественных организаций края в 1920-е гг.: состояние историографии темы» рассматривается литература, в которой раскрывается роль и место общественных организаций Урала в политическом развитии края в 1920-е гг. В советское время в соответствии с господствовавшей официальной концепцией приоритет в изучении отдавался таким массовым организациям трудящегося населения как профсоюзы и комсомол.

На Урале к истории профсоюзного движения в 1920-е гг. обращались партийные и профсоюзные публицисты А. Абаневич, В. Гуран, А. Лисс, К. Маневич, Н. Райвид, Ф. Фрумкина, А. Чапихин, Я. Яглом и др. Наиболее важным вопросом для авторов этих работ было освещение взаимоотношений профсоюзных организаций и различных политических партий, прежде всего большевистской, а так же профсоюзов и хозяйственных органов. Литература по истории профсоюзных организаций Урала в 1920-е гг. касалась, главным образом, проблем внутрисоюзной жизни и деятельности.

Д. Вейхман, И. Колмаков, Н. Миславский, С. Семаков, К. Просветов, С. Кудрявцев, А. Баташев, П. Дандзинекс, К. Устинов, И. Шаровьев и др. писали об организационной структуре и практической деятельности комсомольских организаций края в 1920-е гг. Авторы вели споры о роли комсомола в молодежном движении, о возможности расширения социального состава комсомола, об участии комсомольских организаций во внутрипартийных дискуссиях, о партийном руководстве комсомолом.

В период расцвета советской историографии профессиональные союзы, комсомольские и пионерские организации характеризовались как атрибут советской демократии, как свидетельство народного характера советской власти. В.П. Иванов, А.В. Мельников, В.В. Фельдман и др. раскрывали участие профсоюзных организаций в политической борьбе в 1920-е гг., их реакцию на внутрипартийные конфликты, изучали деятельность профсоюзных организаций в различных сферах экономической, социально-культурной и общественно-политической областях. Они положительно оценивали их вклад в восстановление народного хозяйства, улучшение положения рабочего класса, повышения его трудовой активности.

В. В. Фельдман, В.М. Куликов, А.В. Бакунин, В.Г. Гранин, В.И. Семенов, В.Д. Камынин и др. особо выделяли деятельность профсоюзных организаций Урала на частных, арендных и концессионных предприятиях, подчеркивая, что на профсоюзы возлагалось проведение четкой классовой защитной функции.

В 1930–1980-е гг. изучение истории комсомола происходило неравномерно. В течение длительного времени по данной проблеме серьезных научных книг практически не выходило. Только после XX съезда КПСС по этой теме стали публиковаться многочисленные работы. Однако в течение всего последующего периода исследователям так и не удалось создать научной истории уральского комсомола. Литература издавалась периодически к юбилейным датам в истории комсомола. Обобщающие труды носили очерковый характер, в которых деятельности комсомола Урала в 1920-е гг. уделялось немного места. В.И. Баннова, В.Г. Внутских, Л.В. Коротаев, Н.Р. Коротков, Т.А. Круглова, В.А. Хламкин и др. рассматривали отдельные стороны деятельности уральской организации молодежи в указанное десятилетие.

Важными вопросами историографии уральского комсомола являлось изучение регулирования его количественного и качественного состава, политической учебы и просвещения комсомольцев. В советской литературе достаточно одностороннее освещение получила тема участия комсомола во

внутрипартийных конфликтах. Авторы указали на то, что оппозиционеры не получили поддержки на местах, уральские комсомольцы не поддались на их обещания о повышении в должностях, росте зарплаты.

В период «перестройки» большое внимание уделялось ликвидации «белых пятен» в истории этих организаций, восстановлению имен репрессированных руководителей уральского комсомола.

В современной историографии повысился интерес к структурам негосударственного типа, к которым, несомненно, относятся общественные организации. В то же время следует отметить, что современная уральская историография общественных организаций, существовавших в крае в годы нэпа, немногочисленна. Уральских исследователей по-прежнему интересует история профсоюзов, комсомола и пионерских организаций. Однако они перенесли акцент изучения с политической на социальную функцию, выполняемую этими организациями.

Заслугой современных исследователей следует считать то, что они проанализировали участие профсоюзов в трудовых конфликтах, которые вызывались как появлением частного сектора в экономике, так и переводом госпредприятий на хозрасчет. Л.Н. Бехтерева, В.М. Гафурова, Н.М. Прошина, М.А. Фельдман и др. историки не только пересмотрели мнение советской историографии о причинах рабочего активизма, о его деструктивном характере, но и доказали, что протестное движение уральских рабочих было характерно не только для частных и концессионных, но и для государственных предприятий. Н.М. Прошина пишет о том, что профсоюзы уже в середине 1920-х гг. устранились от решения социальных вопросов и переключились на решение производственных проблем. М.А. Фельдман полагает, что вовлеченность в решение производственных проблем не мешала профсоюзам все 1920-е гг. выполнять свою основную функцию – выступать защитником интересов рабочего класса.

Следует констатировать, что в современной уральской историографии история молодежных организаций Урала в 1920-е гг. с новых методологиче-

ских позиций разработана крайне слабо. Практически нет работ по истории молодежных организаций, созданных другими политическими партиями.

Е.М. Брагина, А.Л. Воробьева, Л.М. Иванова, И. Корюкин и др. описывают рост численности, изменение социального состава и организационной структуры отдельных комсомольских организаций Урала. Они традиционно считают, что деятельность комсомольских организаций оказалась идеологически и организационно подчинена политике большевистской партии.

С новых позиций Е.М. Брагина, В.М. Кружинов, Ю.А. Стецура, М.Н. Федченко характеризуют участие уральского комсомола в сложных перипетиях внутривнутрипартийной борьбы. Они подчеркивают, что комсомол являлся, прежде всего, политической организацией. Ряд исследователей указывают на поддержку комсомольцами Перми взглядов Г.И. Мясникова. Особенно основательно уральские исследователи проанализировали реакцию комсомольских организаций Урала на борьбу партии с троцкизмом.

Глава четвертая «Историография репрессий как средства решения общественно-политических проблем в 1920-е гг. на Урале» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Изучение в литературе деятельности правоохранительных органов на Урале в 1920-е гг.». В советское время история правоохранительных органов не относилась к числу приоритетных. Это было связано с секретным характером деятельности данных органов и ограниченной источниковой базой для ее изучения.

В 1920-е гг. о деятельности правоохранительных органов Урала упоминалось лишь в связи с подавлением крестьянских выступлений 1920–1921 гг.

В 1930–1980-е гг. В.П. Анистратенко, И.П. Белимов, М.А. Богданов продолжили изучение вклада правоохранительных органов в разгром крестьянских восстаний. О деятельности уральской милиции писалось в работах Ю. Алексеева, Г.П. Дмитриева, В.В. Дубленных, В.В. Кривоногова, М.К. Маликова, В.М. Руцкина, М. Свиридова, А.С. Смыкалина и др. Историки положительно оценивали все мероприятия государства по реорганизации органов

милиции и ее деятельность по пресечению экономических преступлений, порожденных введением нэпа.

Современные историки гораздо больше внимания уделяют изучению политики советского государства в области борьбы с инакомыслием в 1920-е гг. Деятельность этих органов оценивается по-разному. Исследователи, стоящие на либеральных позициях, называют эти органы «карательными». Они вообще полагают, что карательные функции в советский период выполняли все органы, в том числе советские и партийные. По нашему мнению, данная характеристика деятельности этих органов является односторонней.

Современные авторы изучают историю правоохранительных органов Урала на протяжении всего нэповского десятилетия, уделяют много внимания исследованию их структуры, системы комплектования, подготовки кадров, финансирования и т.д.

Из всех правоохранительных органов Урала наиболее подробно изучена деятельность советской милиции. В.С. Кобзов, Ф.Г. Куцан, В.И. Майоров, В.В. Московкин, В.П. Петрова, Е.П. Сичинский, Н.С. Шибанов и др. считают, что карательная функция советской милиции ярче всего проявилась во время подавления крестьянских восстаний. В. Боже, В.Д. Ботнер, А.В. Иванченко, Д.В. Каракулов, И. Непеин, Д.А. Сафонов, М.Н. Тайболина, В.Л. Телицын, Л.И. Футорянский раскрывают деятельность органов милиции по борьбе с преступностью в период голода 1921–1922 гг.

Современные исследователи по-разному определяют причины и суть реформы деятельности правоохранительных органов, которая была проведена в начале 1920-х гг. М.Н. Денисевич, С.Н. Кузнецов, Р.Р. Мардамшин, А.С. Смыкалин придерживаются традиционной точки зрения на данный вопрос. А.Л. Литвин, А.А. Пашкин, С.Ю. Салмина называют эти реформы «косметическими», ничего не менявшими в карательной сущности этих органов.

Впервые в отечественной историографии А.Л. Литвин, С.О. Салмина, О.Н. Сорокина на уральском материале показывают, как органы ОГПУ осуществляли функции политического надзора над населением. История орга-

нов цензуры на Урале стала предметом рассмотрения в работах К.Н. Габушина и Д.Л. Савельева.

В трудах А.В. Букреева, Е.А. Бушарова, А.В. Ефанова, В.М. Кириллова, П.Е. Нежданова, Н.В. Подпрятава, М.В. Рубинова, Т.И. Славко, А.С. Смыкалина, А.В. Чевардина, Ф.Р. Усмановой рассматриваются различные проблемы функционирования на Урале пенитенциарной системы. Историки рассматривают типы мест заключения, их реорганизацию в 1920-е гг., количественный и качественный состав заключенных, режим их содержания и др. Впервые исследователями было доказано, что Уральский регион стал местом ссылки политзаключенных задолго до появления ГУЛАГа.

Параграф второй «Политические репрессии на Урале в 1920-е гг. как объект исследования». В советской историографии репрессии рассматривались как необходимое средство борьбы с классовым врагом, препятствующим построению социалистического общества. В работах уральских историков М.Е. Главацкого, В.Г. Гранина, В.Д. Камынина, В.И. Семенова, В.В. Фельдмана можно встретить упоминание о вредительской деятельности буржуазной интеллигенции Урала. Большинство авторов обвиняло «старую» интеллигенцию в пособничестве иностранному капиталу в получении и эксплуатации концессионных предприятий на Урале.

Взросший интерес к изучению проблемы репрессий стал проявляться на рубеже 1980–1990-х гг. под воздействием критики сталинизма и реабилитации жертв политических репрессий. Постепенно историки, опираясь на материалы открытых архивных фондов НКВД, перешли от изучения отдельных фактов репрессий к исследованию проблемы государственного террора большевистского режима. Следует заметить, что данная проблема получила отражение, главным образом, в работах уральских авторов, разделяющих тоталитарную концепцию истории советского общества (А.В. Бакунин, В.М. Кириллов, Р.Т. Москвина, А.С. Смыкалин и др.).

В литературе по истории политических репрессий на Урале поднимаются важные теоретические вопросы: о месте репрессий в советской истории

1920-х гг., их периодизации, механизме репрессий и т.д. Основное внимание уделяется изучению отдельных политических процессов в уральском регионе, а также судеб конкретные людей, которые были подвергнуты репрессиям. Авторы рассмотрели формы преследования инакомыслящих со стороны советского государства, выявили различные категории репрессированных в крае.

Многочисленной является уральская литература, посвященная изучению процессов над представителями «старой» технической интеллигенции. Большой вклад в изучение этой проблемы внесли Г.В. Гассельблат, М.Е. Главацкий, М.И. Кондрашева, В.М. Кириллов, Н.В. Стручкова, В.В. Филатов и др.

Для историков уральского региона, имевшего многонациональный состав населения, весьма актуальным является изучение репрессий, которые обрушились уже в 1920-е гг. на национальные кадры.

Особое место в литературе занимает вопрос о репрессивной политике советского государства в отношении церкви в 1920-е гг. Советские исследователи Ф. Маркус, И. Степанов, И.В. Щепкин, В.А. Крашенинников, Т.А. Круглова, Н.И. Музафарова, М.Г. Писманник, В.В. Покровский, В.Г. Чуфаров и др. внесли вклад в обличение «церковной контрреволюции». В их работах можно встретить факты преследования священнослужителей, однако они характеризовались как «морально-политическая изоляция реакционного духовенства» и степень преследования служителей культа и самой церковной организации преуменьшалась.

В современной уральской историографии эта проблема рассматривается в работах М.Г. Нечаева, В.С. Боже, Н.И. Музафаровой и др. Исследователи выделяют этапы репрессий в отношении Русской православной церкви на протяжении 1920-х гг. и связанные с ними особенности церковно-государственных взаимоотношений.

Одной из актуальных проблем исследования репрессий 1920-х гг. является изучение такой формы преследования инакомыслящих как лишение их избирательных прав.

Отмечая успехи в разработке проблемы политических репрессий 1920-х гг., следует в то же время отметить, что исследование этого периода значительно отстает от изучения данного явления на материалах 1930-х–начала 1950-х гг.

В заключении диссертации подведены общие итоги исследования, сделаны выводы, намечены основные направления и перспективы дальнейшего изучения темы.

В советской и современной историографии различные проблемы политического развития Урала в 1920-е гг. изучались с разной степенью интенсивности и с различных методологических позиций. Тем не менее, можно констатировать, что на сегодняшний день многие стороны политического развития Урала в 1920-е гг. изучены вполне удовлетворительно. Речь идет об истории большевистских организаций, внутрипартийных конфликтах в них. Много внимания исследователи уделяли истории Советов, профсоюзов, комсомольских организаций края. Значительный и разнообразный материал посвящен деятельности умеренно-социалистических партий на Урале и их взаимоотношениям с правящей партией, правоохранительными органами.

В то же время, целый ряд проблем нуждается в дополнительном углубленном изучении. Это относится к исследованию предпосылок возникновения сталинской модели политической системы и ее особенностей на Урале, созданию полной истории всех политических партий, существовавших на Урале в 1920-е гг., восстановлению биографий уральских политических деятелей этого периода. В историографии края высказываются различные точки зрения на такие принципиальные вопросы политического процесса как факторы, способствовавшие постепенному превращению большевистской партии в партию тоталитарного типа, складыванию однопартийной политиче-

ской системы, причины ухода с политической арены умеренно-социалистических партий.

Опубликованные работы не дают еще полного представления о взаимоотношениях центральных и местных органов власти, о разделении полномочий между различными ветвями местной власти, взаимоотношениях власти и общества на региональном уровне, о механизме принятия решений и организации их исполнения сверху до низу, о конкретных формах взаимоотношений разных уровней советской власти с различными слоям населения, формах контроля за политическими настроениями и т.д.

Нуждаются в дальнейшем изучении вопросы о месте репрессий в политической системе 1920-х гг., социальном портрете уральских репрессированных. Имеющиеся в литературе материалы не дают полного представления о конкретных механизмах политических репрессий, реальной численности подвергнутых преследованиям со стороны советской власти. Это приводит к преувеличению некоторыми историками масштабов применения репрессий в 1920-е гг. как средства решения общественно-политических проблем.

На сегодняшний день у историков не сложилось единого мнения об Урале как месте ссылки политзаключенных, о состоянии мест лишения свободы в крае в 1920-е гг. Ученые приводят разрозненные факты, характеризующие численность разных мест заключения, количественные характеристики контингента пенитенциарной системы, режима его содержания. В литературе явно недостаточно материала, дающего полное представление о видах преступлений, сроках заключения, принципах формирования категории политических заключенных, что не позволяет объективно оценить направленность карательной политики советской власти в 1920-е гг.

Отсутствие в литературе четкого представления по многим вопросам темы связано с ограниченностью источниковой базы. Большинство документов, как нормативного характера, так и информационного и оперативного плана рассредоточены по различным фондам ведомственных архивов, нахо-

дятся на особом режиме хранения и в значительной массе недоступны историкам.

Все это требует дальнейшего изучения темы политического развития Урала в 1920-е гг. на более широкой источниковой основе. Большие возможности предоставляет использование документов личного происхождения, прежде всего «писем во власть» – широкого комплекса массовых исторических источников. Эти источники важны для изучения такой фундаментальной проблемы, практически не разработанной в уральской историографии, как динамика изменений общественных настроений в отношении власти.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- I. Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:
1. Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Уральская историографическая школа // Известия Уральского государственного университета. Серия «Проблемы образования, науки и культуры». Вып. 15. № 29. Екатеринбург, 2004. С. 67–75 (0,5 / 0,25 п. л.).
2. Цыпина Е.А. Роль Красной армии в становлении политической системы советского общества в 1920-е гг. (историографические проблемы) // Уральский исторический вестник. № 10–11. Екатеринбург, 2005. С. 126–136 (0,5 п. л.).
3. Цыпина Е.А. История Урала 1920-х гг. как объект научного исследования // Известия Уральского государственного экономического университета. № 4 (16). Екатеринбург, 2006. С. 189–202 (0,6 п. л.).
4. Цыпина Е.А. «Партия должна протестовать против раскольнических шагов нынешнего ЦК» Их истории внутрипартийной борьбы на Урале. 1927-1928 гг. // Исторический архив. № 1. Москва, 2007. С. 79–112 (2,0 п. л.).
5. Игишева Е.А. Современная историография развития пенитенциарной системы на Урале в 1920-е гг. // Вестник Челябинского государствен-

ного университета. История. Вып. 25. № 18 (119). Челябинск, 2008. С. 145–154 (0,5 п. л.).

6. Игишева Е.А. Современная историография деятельности правоохранительных органов на Урале в 1920-е гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Вып. 16. № 59. Екатеринбург, 2008. С. 75–83 (0,4 п. л.).
7. Игишева Е.А. Современная историография межпартийных отношений на Урале в первой половине 1920-х гг. // Уральский исторический вестник. № 4 (21). Екатеринбург, 2008. С. 138–142 (0,4 п. л.).

II. Монографии:

1. Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е годы XX в. в отечественной историографии. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2004. С. 3–349 (26 / 18 п. л.).
2. Алексеев С.Е., Еланцева О.П., Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Материалы к библиографии по истории Ямала. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2006. – 214 с. (12,45 / 3,1 п. л.).
3. Цыпина Е.А. Раздел 2. Глава 8. Северо-Западная Сибирь в 1920-е гг. На распутье между Уралом и Сибирью: дискуссии историков // Историко-ведческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч.2 / Под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2007. С. 183–196 (13 / 0,6 п. л.).
4. Игишева Е.А. Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в современной отечественной историографии. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2008. – 268 с. (16,75 п. л.).

III. Учебники, учебные пособия:

1. Советский Урал. Новая экономическая политика: 1921–1928 гг. Раздел учебника // История Урала: XX в. Учебник для общеобразовательных

заведений. (Под ред. проф. Б.В. Личмана и проф. В.Д. Камынина). Екатеринбург, 1996. С. 70–123 (2,8 / 0,9 п. л.).

2. Урал в годы новой экономической политики. 1921–1928 гг. Раздел учебника // История Урала: XX в. Учебник. (Под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина). Екатеринбург, 1998. С. 88–159 (3,7 / 0,9 п. л.).
3. Урал в первой половине XX века. Раздел учебного пособия // История Урала. XX век. Учебное пособие. (Под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина). Екатеринбург, 1999. С. 7–61 (2,8 / 0,9 п. л.).

IV. Публикации в сборниках научных трудов и материалов конференций:

1. Цыпина Е.А. Социальный облик членов большевистских организаций на Урале в 20-е годы XX в. Современная историография // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VI Всерос. науч. конф. В 2 т. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 139–142 (0,3 п. л.).
2. Цыпина Е.А. Некоторые проблемы отношений Русской православной церкви и государства на Урале в 1920-е годы в современной региональной историографии // Вопросы истории Урала. Вып.18. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова: Сб. науч. статей. Екатеринбург, 2004. С. 277–287 (0,5 п. л.).
3. Цыпина Е.А. Современная историография о политической трансформации России в 1920-е годы // Социальные трансформации в российской истории: Доклады Международ. науч. конф. 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург-Москва, 2004. С. 585–599 (0,6 п. л.).
4. Цыпина Е.А. Современная историография о социальном составе большевистских организаций Урала в 1920-е гг. // Россия в XX веке: история и историография. Международный альманах. Вып. II. Екатеринбург, 2004. С.43–50 (0,4 п. л.).

5. Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Проблема историографического источника в отечественной литературе // Вопросы всеобщей истории. Вып. 7. Запад, Восток и Россия: проблема исторического и историографического источника. Екатеринбург, 2005. С. 17–26 (0,5 / 0,25 п. л.).
6. Камынин В.Д., Цыпина Е.А. К вопросу о методологической ситуации в современной российской исторической науке // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VII Всерос. науч. конф. В 2 т. Екатеринбург, 2005. Т. 1. С. 72–76 (0,3 / 0,15 п. л.).
7. Цыпина Е.А. Историки о причинах ликвидации социалистических партий на Урале в начале 1920-х годов // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VII Всерос. науч. конф. В 2 т. Екатеринбург, 2005. Т.1. С. 137–142 (0,3 п. л.).
8. Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Основные итоги изучения экономической и политической истории Ямала в 20–30-е годы XX в. // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения: Материалы окруж. науч. конф., посвящ. 300-летию со дня рождения Г.Ф. Миллера. Нижневартовск, 2005. С. 69–76 (0,4 / 0,2 п. л.).
9. Цыпина Е.А. Армия и общество на Урале в 1920-е годы в освещении современных историков // Война и общество 1914–1945 гг.: V военно-исторические чтения, посвящ. 80-летию И.Ф. Плотникова. Екатеринбург, 2005. С. 75–79 (0,3 п. л.).
10. Цыпина Е.А. Партийно-хозяйственная элита Урала в 1920-е годы: этапы и основные черты изучения // Проблемы экономики и политики Урала: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. С. 96–104 (0,5 п. л.).
11. Цыпина Е.А. Современные историки о влиянии быта горнозаводских рабочих на их политические взгляды в 1920-е гг. // Шестые Татищевские чтения: Тезисы докл. и сообщ. Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г. В 2 т. Екатеринбург, 2006. Т.1. С. 372–375 (0,2 п. л.).
12. Цыпина Е.А. Современные исследователи об особенностях политической активности уральских рабочих в 1920-х гг. // Историк в меняю-

- щемся пространстве российской культуры: Материалы Всерос. науч. конф. Челябинск, 2006. С. 312–318 (0,4 п. л.).
- 13.Цыпина Е.А. Современные исследователи о роли Советов в общественно-политической жизни Урала в 1920-е гг. // Российский парламентаризм: история и современность: Материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 100-летию российского парламентаризма. Екатеринбург, 2006. С. 96–101 (0,3 п. л.).
- 14.Цыпина Е.А. Современные исследователи о поддержке уральскими рабочими оппозиционных группировок в РКП (б) в 1921–1922 гг. // Россия и мир: история и историография. Международный альманах. Вып. 1. Екатеринбург, 2006. С.111–122 (0,5 п. л.).
- 15.Камынин В.Д., Цыпина Е.А. К вопросу о понятии «историографический факт» в современной историографической науке // Россия и мир: история и историография. Международный альманах. Вып. 1. Екатеринбург, 2006. С. 61–70 (0,5 / 0,25 п. л.).
- 16.Цыпина Е.А. Политическая история Урала как объект научного исследования в литературе кануна перестройки // Урал в преддверии перестройки: Сб. науч. ст. по мат. Всерос. науч.-практ. конф. 3 нояб. 2006 г. Екатеринбург, 2007. С.77–84 (0,4 п. л.).
- 17.Цыпина Е.А. Февральская революция и нэп: взгляд из 20-х гг. XX столетия // Февральская революция 1917 года в России: история и современность: Сб. науч. ст. по мат. регион. науч. семинара (Екатеринбург, 2 марта 2007 г.). Екатеринбург, 2007. С. 90–97 (0,4 п. л.).
- 18.Цыпина Е.А. Профсоюзы как элемент советской политической системы в уральской литературе 1920-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VIII Всерос. науч. конф. В 2 т. Екатеринбург, 2007. Т.1. С. 92–97 (0,3 п. л.).
- 19.Игишева Е.А. Дискуссии по проблемам районирования Урала в литературе 1920-х годов // Экономическая и политическая история XX века:

- проблемы историографии: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2008. С. 43–55 (0,5 п. л.).
20. Игишева Е.А. Современные исследователи о факторах, влиявших на формирование политической системы советского общества в 1920-е гг. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 417–422 (0,3 п. л.).
21. Игишева Е.А. Современные исследователи о влиянии крестьянских выступлений на формирование политической системы советского общества в 1920-е гг. // Демография – общество – человек в условиях формирования новой экономики: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. Екатеринбург, 2007. С. 131–132 (0,1 п. л.).
22. Игишева Е.А., Камынин В.Д. Правоохранительные органы Урала на завершающем этапе Гражданской войны (историография проблемы) // Гражданская война как феномен мировой истории: Материалы науч. конф. 26 апреля 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 39–59 (0,8 / 0,4 п. л.).
23. Игишева Е.А., Камынин В.Д. «Тайны концлагерей ОГПУ» (историки о формировании советской пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг.) // Сибирский исторический журнал. 2008/2009. Тюмень, 2008. С. 51–66 (0,5 / 0,25 п. л.).

Подписано в печать 16.03.2010. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 2,79. Тираж 100 экз. Заказ 195.

Отпечатано в типографии ИПЦ «Издательство УрГУ»
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.